

МАСОНЫ И РУССКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Н. АСАДОВА: В эфире передача «Братья», передача о масонах. У микрофона Наргиз Асадова и наш экскурсовод в мир масонства Леонид Мацих. Добрый вечер.

Л. МАЦИХ: Добрый вечер.

Н. АСАДОВА: Сегодняшняя тема передачи - масоны и изобразительное искусство. Об этом будем говорить сегодня. Как повлияли масоны, русские масоны, на изобразительное искусство в России. Мы будем говорить об Академии Художеств в Питере. И начнём, наверное, с такой фигуры неординарной, как Александр Фёдорович Лабзин.

Л. МАЦИХ: Очень правильный выбор. Он сам не был художником, но он был конферент-секретарём Академии Художеств, очень много сделал для улучшения администрирования дел в Академии и вообще в российском изобразительном искусстве. И, кроме того, он был основателем ложи «Умирающий сфинкс», мы о нём упоминали в этой связи. И был выдающимся российским мистиком, без преувеличения можно сказать - основоположником российского мистицизма, как направление умов.

А поскольку пластические искусства - живопись, скульптура, графика и архитектура, прежде всего живопись во всех её проявлениях, они непосредственно связаны с взлётами духа, то тут мистицизм оказал формирующее влияние на всё русское пластическое искусство.

Н. АСАДОВА: Давайте сразу послушаем портрет Александра Фёдоровича Лабзина, который написал Алексей Дурново и озвучил Тимур Алевский.

БРАТЬЯ. ОДИН ИЗ НИХ. ИЗ БРАТЬЕВ

Т. АЛЕВСКИЙ: Жизнь Александра Лабзина сложилась точно так, как и у многих деятелей культуры, которым не посчастливилось родиться в России с умом и талантом. Стремительный взлёт, а затем ещё более стремительное падение. Итак, молодой человек со способностями поступает в Московский Университет, получает там неплохое образование и ещё будучи студентом, посвящает свою жизнь литературе и переводам. В весьма юном возрасте сближается с масонами, приобретает от них, возможно, страсть к мистике, и наконец, пробует перо в собственных сочинениях.

Так, в 1787 году Лабзин, 21 года от роду, преподносит императрице Екатерине оду на прибытие в Москву из путешествия в Тавриду. В том же году публикуется его перевод знаменитой комедии Бомарше «Женитьба Фигаро». И дальше начинается настоящая литературная жизнь. Тут и многочисленные переводы, и собственные произведения, писанные в основном под псевдонимами. И даже журналистика, редактируемый и выпускаемый Лабзиным «Сионский вестник» становится весьма популярным чтением читающей публики. Ещё до того, при Павле, Лабзин как нельзя кстати, перевёл «Историю ордена Святого Иоанна Иерусалимского». Павел, покровительствующий госпитальерам, и бывший их магистром,

немедленно назначил Лабзина историографом ионитов. В общем, жил Лабзин припеваючи и при Екатерине, и при Павле и какое-то время при Александре. Сгубил его всё тот же «Сионский вестник», который он стал выпускать после некоторого перерыва. Журнал был фактически освобождён от цензуры, ибо Министром народного просвещения стал друг Лабзина князь Голицын.

Он вроде бы читал журнал и делал замечания, а на деле редактор публиковал на страницах издания то, что считал нужным. Тогда-то и посыпались обвинения в богохульстве, отрицание священного писания, распространение кощунственных учений. Духовная братия, заботившаяся о высокой нравственности общества, в конце-концов добилась своего, замучив редактора доносами и жалобами.

Цензурирование вестника передали редактору Петербургской Духовной семинарии Иннокентию. И журнал пришлось закрыть. Но враги Лабзина на этом не успокоились, и вскоре литератор и переводчик отправился в ссылку, где и умер через 4 года. Любопытно, что даже в Сибири он продолжал читать и даже изучал математику. Впрочем, давно известно, что образование для русского человека одна беда! С умом и талантом лучше бы родиться где-нибудь в другом месте.

Н. АСАДОВА: Это был портрет сегодняшнего нашего героя Александра Лабзина. Вот таким видится он сегодня.

Л. МАЦИХ: Вот так, смелыми мазками, написано, одобрил бы Александр Фёдорович Лабзин. Он сам был человеком многообразным одарённым, и уже в ссылке, под конец его жизни, изучал высшую математику, которая тогда, на склоне лет, ему было уже под 60 крепко, он был очень болен, это ему никак пригодиться не могло. Он был любознателен.

Н. АСАДОВА: Самообразование, самосовершенствование.

Л. МАЦИХ: Но среди всех его дарований не было ничего, что влекло бы его к живописи. Он был драматург, он был философ, он был историк, литературовед, сочинитель очень бойкий, экспромты писал поэтические. Вообще, его литературное наследие огромное. Там не всё равноценно, много вещей на злобу дней, устаревших давно, но интересно, при таких дарованиях ничего, что связано с живописью, не было.

А тем не мене, он был покровителем художников, душой многочисленных художественных салонов и человеком, о котором все художники, его современники, говорили с придыханием, восторгом и благодарностью.

Н. АСАДОВА: Как так случилось?

Л. МАЦИХ: Его путь был сложный. Он попал по чиновничьей линии в Академию Художеств на службу. Но он был в этом смысле идеальным чиновником-патроном, он никому ничего не навязывал, не говорил, как следует писать, а все усилия сосредоточил на том, чтобы улучшить содержание художников, выбивать больше пансионы, гранты по-современному говоря, чтобы улучшался быт художников, квартиры, которые они снимают, были бы всё лучше.

И он очень был чувствителен к поиску новых дарований. Он сумел создать микроклимат, своеобразную атмосферу в Академии, при которой старые мэтры - Рокотов, Левицкий, они не соперничали с юными

дарованиями, скажем, с Боровиковским, а наоборот, стремились вытянуть на свой уровень, им протезировать и быть подлинными их наставниками.

Н. АСАДОВА: А известны ли фамилии, кроме Боровиковского, кого ещё из молодых художников, скульпторов вытащил?

Л. МАЦИХ: Он покровительствовал Венецианову, переписывался обширно с Левицким, заказывал ему портреты. Практически в российском художественном творчестве не было тогда ни одного крупного имени, которое не было бы связано с братством вольных каменщиков. Все великие портретисты - Боровиковский, Левицкий, Рокотов, они были масонами. Основатель жанровой живописи Венецианов тоже был масоном, Карл Иванович Брюллов, который считался по тем временам революционером русского изобразительного искусства. Он впервые в знаменитой картине «Последний день Помпеи» изобразил падающие статуи, передал движение, до этого была только статика. Он тоже был масон.

У Лабзина был широкий фронт работ, было большое поле для попечительской его деятельности. Но он этим не ограничивался.

Н. АСАДОВА: Кстати, все эти художники входили в его ложу «Умирающего сфинкса»?

Л. МАЦИХ: не все, но подавляющее большинство. Даже те, кто поначалу входили в иные ложи, он же тоже вступил в другую ложу «Пётр и добродетели», ещё при Шварце.

Н. АСАДОВА: Я тоже читала о том, что Шварц огромное влияние на него оказал.

Л. МАЦИХ: Громадное! Он был его наставником и учителем. И после кончины Шварца безвременной, он умер совсем молодым, Шварц...

Н. АСАДОВА: Мы, кстати, делали о нём передачу.

Л. МАЦИХ: Да, все желающие могут обратиться к архиву. Лабзин всегда о Шварце отзывался с исключительным пиететом. Вообще, он был человек язвительные и острый на язык, редко кого жаловал. Но как раз о Шварце говорил с исключительным почтением. Шварц его сделал своим слушателем. Лабзин был человек уникальный, в 14 лет он опубликовал своё первое сочинение, в 16 лет он был слушателем Университета и был практически вместе со Шварцем переводчиком сложнейших мистических трудов западноевропейских философов.

Н. АСАДОВА: И в 21 год он написал оду на прибытие в Москву из путешествия в Тавриду императрицы Екатерины II.

Л. МАЦИХ: Это тоже самое по себе некий литературный подвиг. Но это казенная, заказная литература, которой в XX веке множество образцов. Но перевод мистики требует совершенно иных качеств. Во-первых, глубина познания в иностранных языках.

Н. АСАДОВА: Подождите, подождите! Мистика! Все же люди понимают по-своему слово «мистика». Что такое мистика, как течение?

Л. МАЦИХ: У слова «мистика» много значений и есть такие обывательские, расхожие представления, которые с подлинным смыслом слова имеют мало общего. Сейчас мы говорим слово «кандидат», а это слово означает в оригинале слово «невинный».

Н. АСАДОВА: Как-то далеко от нынешнего смысла.

Л. МАЦИХ: Едва ли мы пойдём к кандидату медицинских наук, который абсолютно невинен в своей специальности. Многие слова утратили первоначальный смысл. Слово «мистикой - ἡοιήκορ» по-гречески означает «с закрытыми глазами». Два телесных глаза следует закрыть, тогда

открывается третий. То есть, мистика - это постижение третьим глазом, в христианстве это называется «прозрение очез» или «нечаянная радость», у индийцев - «третий глаз», у буддистов «сатори» - внезапное озарение.

Мистика - это способность человека воспринимать действительность во всей её полноте не только интеллектуальным, но и интуитивным путём, и тогда три источника, а три - священное число в индоевропейской эзотерике, три источника создают всю полноту бытия. И европейские мистики, голландские, немецкие, французские, в меньшей степени английские, на эту тему писали. Они писали о посрамлении разума, о возвышении интуиции. Но чтобы переводить такие сочинения, помимо знания иностранных языков, он блестяще владел немецким, французским и латынью, следовало иметь очень глубокие и основательные познания в философии, теологии, в религии. И всем этим Лабзин обладал.

Он разработал своё, наполовину оригинальное, наполовину переведённое из якобы Бёне, немецкого мистика, «Учение о благодати», он очень любил выражение такое «Durchbruch der Gnade» - в духе любимых его немецких философов - «Прибой благодати». Не просто какой-нибудь там дождик, а прибой большими волнами. И именно в этом ключе он рассматривал бытие христианской души, - как он писал. Одно из его центральных сочинений, нужно его выделить, это такая статья, эссе, которое называется «Облако над шатром откровения или размышление о том, о чём дерзкая философия и подумать не смеет».

То есть, о том способе постижения действительности, о котором ни одна философия не может и помыслить, ибо это будет неэффективно. Вот я призываю вас осмыслить название этой его статьи, чтобы понять строй его мыслей и направление его дум.

Н. АСАДОВА: То есть, мистицизм в то время понимался, как прозрение.

Л. МАЦИХ: Да, как своего рода прозрение, как именно пробуждение. Множество терминов на разных языках означали одно и то же.

Н. АСАДОВА: И книги, которые он переводил, книги мистиков, стали популярными в Москве и Питере.

Л. МАЦИХ: Не то слово! Они стали фантастически популярными. Именно это обусловило и зависть к нему и ненависть.

Н. АСАДОВА: Почему это движение стало популярным?

Л. МАЦИХ: Начинаясь уже кризис церковных институтов и католицизм начинал подзагнивать, православие было в глубоком кризисе, через сто лет это обнаружилось полностью. Поэтому люди от простых крестьян, солдат и до высшего дворянства, они разочаровывались в традиционных церковных институтах. Например, мистики лабзинского кружка, и прежде всего он сам, как признанный духовный лидер, они ведь были врагами, как они говорили «мерзости афейской», т.е. атеистической, они были врагами неверия, выступали в этом смысле против Вольтера, его язвительных нападок на религию.

Они веру защищали, но против церковной обрядности, против церковного ритуализма, против тех вещей, которые они называли «пережитками поганскими», языческими, против веры в мощи, во всякие ладанки, в кресты нательные, культ икон, реликвии, против этого они возражали. Обрядовая сторона православия вызывала у них насмешки и протест. А они делали акцент на внутреннем, на духовном. Чтобы очистить,

как они говорили, истинную веру от скорлупы, от шелухи, от внешних обрядовых наслоений.

Вот так шла их мысль. Поэтому церковные институты им мешали. Они видели в них ненужного и докучливого посредника. Они хотели к богу пробиваться самостоятельно. Это то, что протоиерей Флоровский, один из историков русской церкви и масонства в частности, называл «внецерковная религиозность». Естественно, у церкви это вызывало колоссальную оппозицию и ненависть.

Н. АСАДОВА: Скажите, только ли масоны занимались мистикой?

Л. МАЦИХ: Нет, конечно. Но тогда ведь весь цвет, дворянство и какая-то лучшая часть купечества была в масонство вовлечена. Масонство было тогда не общественной организацией, как мы его сейчас воспринимаем, а это был такое интеллектуальное поветрие. Не быть масоном означало быть человеком устаревшим, то ли недорослем, то ли гномом Простаковым. Можно было не быть масоном, тогда принадлежать такой протославянофильской партии, как Кикин, Шишков, как Платов, Аракчеев, любители этой русской старины, кокошников, лаптей.

Н. АСАДОВА: Балалаек, матрёшек.

Л. МАЦИХ: Да, да, принципиальная антизападная позиция во всём. Но эта партия была очень немногочисленная. А так, все умственные интеллектуальные увлечения масонства разделялись всем обществом. И в этом смысле мистицизм не был исключением.

Н. АСАДОВА: А можно ли проследить влияние мистики в картинах или скульптурах учеников Академии Художеств того времени?

Л. МАЦИХ: Я думаю да. Но не мистических сюжетов, как мы стали бы искать, какие-нибудь сумерки, вампиры, видения. Нет. Бытовой обывательской мистики там не было.

Н. АСАДОВА: Так мы и не говорим про бытовую мистику?

Л. МАЦИХ: Нет, мы говорим про рафинированное интеллектуальное мировоззрение. Для художников масонов, для них важно было вернуться к реализму в произведениях, потому что церковный канон от реализма весьма далёк, это очень условная живописная школа. Они хотели пробиться к реализму, к человеческой душе. Для них мистика означала открыть человеческую душу, скажем, в портрете. Глаза - зеркало души, поэтому глаза стали выписывать на портретах с особым тщанием.

Как ядовито писал князь Вяземский, человек исключительно язвительный, глазам уделялось большее внимание, чем кружевам и жемчугам. Через глаза, как зеркало, они хотели заглянуть в душу портретимых. Там, конечно, были атрибуты чисто масонские - угольники, циркули на столах у вельмож, у князей, у архитекторов.

Н. АСАДОВА: Но это уже влияние масонской идеологии. А мистицизм... это не всегда пересекающиеся понятия.

Л. МАЦИХ: Прежде всего, это был иконоборческий бунт против условного, уходящего в некий набор абстрактных приёмов, набора средств канонизированной иконописи, возвращение к живой человеческой душе. Что произошло в Европе в эпоху Ренессанса, Россия опаздывает, как писал Чаадаев, в России именно это тогда и случилось, возвращение к человеческой душе. Для них мистика была возможностью разглядеть не стандартизированное и иконописное изображение ни о ком, а конкретного человека, с его живой, мятущейся порой, неуспокоенной душой, рассмотреть через портрет и прежде всего через глаза.

Н. АСАДОВА: А иконы писали эти художники?

Л. МАЦИХ: Нет, я думаю нет, им не заказывали.

Н. АСАДОВА: Они были светскими художниками.

Л. МАЦИХ: Да, подчёркнуто светскими. Иконопись была монополизирована с давних времён церковью и она никому эту монополию не собиралась уступать. Насколько мне известно, и претензий не было никогда у этих художников на написание икон или фресок. Правда, они принимали участие в росписи определённых церквей, например, Левицкий расписывал Андреевскую церковь в Киеве. Такого рода заказы они выполняли.

Н. АСАДОВА: Кстати, сохранилась эта роспись?

Л. МАЦИХ: Да, сохранились. Как говорил Паниковский: «Поезжайте в Киев и спросите». Вам каждый укажет Андреевскую церковь, безусловный шедевр зодчества, внутри великолепно сохранилась роспись Левицкого.

Н. АСАДОВА: В каких годах Лабзин возглавлял Академию Художеств?

Л. МАЦИХ: Он её не возглавлял, он был конферент-секретарь или президент.

Н. АСАДОВА: Когда слышишь слово «президент», хочется сказать, что это глава чего-то.

Л. МАЦИХ: Вы правы, президент - пред сидящий, по-русски - председатель. Но тогда, в царско-абсолютистское время, коллегиальность правления была гораздо больше, чем в некоторые нынешние просвещённые времена. Он не мог единолично принять некоторые решения, это коллегия, состоявшая из профессиональных живописцев, она принимала решения такого рода. А он был скорее главным администратором.

Н. АСАДОВА: Так в каких это годах было?

Л. МАЦИХ: Он вступил в эту должность в 1802 году и тогда же он организовал ложу «Умирующий сфинкс».

Н. АСАДОВА: То есть, это при Павле?

Л. МАЦИХ: После его смерти. При Павле невозможно было основание никаких лож. Павел был убит в 1801 году, в 1802 году он возглавил. Он и при Павле не скучал. Он был официальным историографом мальтийского ордена, написал историю его.

Н. АСАДОВА: Тот факт, что он написал историю Святого Иоанна Иерусалимского, которая так понравилась Павлу, понятно почему, он специально это сделал, зная о том, что Павел увлекается Мальтийским орденом?

Л. МАЦИХ: Это риторический вопрос. Разумеется. Лабзин был человек очень расчётливый, очень во многом лукавый царедворец. Конечно, он прекрасно всё знал. Всё, что он делал, он делал абсолютно осознано. Он был человеком расчётливым, хотя это не мешало ему увлекаться и заходить в своих мистических порывах бог знает как далеко.

Н. АСАДОВА: И в ссылку его отправили в каком?

Л. МАЦИХ: Это подождите! Давайте сначала про павловский период. Ведь он как написал историю Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Он наполовину перевёл французское сочинение некоего Обефа, так зовут этого человека, а наполовину он придумал сам. Он был большой мистификатор, этим он очень привлекал художников. Некоторые пеняли ему за это, не

художники. Художники, как известно, люди творческие, они с трудом истину от вымысла отличают.

А вот Новиков Николай Иванович, который почитался дядюшкой духовным его, а тот подписывался «племянник» в переписке, Новиков ему за это очень пенял. Новиков был человеком исключительного правдолюбия, у него же псевдоним масонский был Правдолюбов, он таких вещей не терпел. Но для Лабзина это было легко. Он мистифицировал окружающих и в этом смысле предвосхитил постмодернизм. Он выдумывал некоторые факты, концепции, вокруг них, критику, он жил в этой атмосфере литературного вымысла, которую сам создавал.

Н. АСАДОВА: Возглавил он Академию Художеств с 1802 года и до?

Л. МАЦИХ: Практически до своей ссылки 1822 году.

Н. АСАДОВА: Немало! Двадцать лет.

Л. МАЦИХ: Огромный вклад. И администрирование и формирование духовного климата в Петербурге и во всей России. В ссылку же он тоже был отправлен по смешному совершенно поводу. Он выступил против, единственный раз в жизни, против коллеги, которая предлагала царских любимцев сделать академиками живописи, а он сказал: «Почему?» А потому что они близки к государю. «Тогда, почему не сделать кучера Илью, чью спину государь созерцает уже в течение 25 лет?» и за этот смелый афоризм он был сослан.

Н. АСАДОВА: Я хотела сейчас перейти к нашей следующей плёночке. У нас в каждой передаче есть здание и герой. И сегодня мы попросили нашего питерского корреспондента выйти на улицу и спросить, что же знают сегодняшние жители Петербурга и гости северной столицы об Академии Художеств, об этом здании. И вот что у нас получилось.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Встретить у Академии Художество кого-то, кто никак не связан с этим зданием, оказалось проблемой. Мимо шли или студенты, или преподаватели. Зато почти всем нашлось что сказать про альма матер. Художник Ольга в стенах Академии встретила свою судьбу, наглядное доказательство чему - двухлетний Андрюша - шагал рядом.

ОЛЬГА: Академия? Ой, слишком много в этом слове для меня лично.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ксения сегодня проспала, потому на лекцию бежала вприпрыжку. Первое, что приходит в её голову при упоминании Академии - это как ни странно, императрица, в связях которой с этим учебным учреждением нет ничего странного.

КСЕНИЯ: Мне всегда приходит на ум Екатерина, которая не могла пройти по коридорам в своём большом платье.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Что касается символики на фасадах, Ксения обращала на неё внимание, но о смыслах и значениях никогда не задумывалась. Поэтому девушка начала рассуждать вслух.

КСЕНИЯ: Я всегда смотрела и замечала циркуль с треугольником, наверное это архитектура или как архитектор, краски с кистями и палитрой, живопись. Как символ искусства.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Другой студент, имя своё он назвать постеснялся, оказался силён в теории, чем сходу и поделился.

СТУДЕНТ: Я просто знаю, как они называются - метопы, те, что с полосочками - это триглифы. Между ними метопы.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Шамиль, увидев микрофон «Эхо Москвы», сразу заподозрил неладное. Молодой человек слушает программу «Братья» и догадался, что знаки могут быть связаны с масонами, однако серьёзно к этой версии Шамиль призвал не относиться.

ШАМИЛЬ: Я считаю, что, скорее всего это случайность, потому что видеть знаки масонства везде - это уже немного перебор, потому что когда строилась Академия, не было явного наклона в сторону масонства.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Артём, турист из Краснодара, до масонов в своих догадках не дошёл. Но, по его мнению, любая символика априори связана с магией.

АРТЁМ: Вообще символика несёт какой-то заряд эмоций или магии. Потому что просто так символы ни на что не наносятся. Если верить во что-то, оно будет тебе понимать.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Олег преподаёт, но не в Академии. Поэтому начал он с того, что про знаки на фасаде не знает ничего. Но неожиданно Олега озарило.

ОЛЕГ: Звезда, треугольник. Может быть я плохо вижу, я знаю, что есть такой масонский знак - треугольник и лучи расходящиеся. Но я не думаю, что когда строилось, ставились такие акценты.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Супруг Надежды Леонидовны когда-то возглавлял Союз Художников, она сама сегодня позирует студентам. Про оформление фасадов женщина распространяться не стала, зато поделилась чувствами, которые будит в ней здание Академии.

НАДЕЖДА ЛЕОНИДОВНА: Я прохожу и всегда оно напоминает мне искусство, скульптуру.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Из событий, связанных с Академией Художеств, чаще всего вспоминали т.н. бунт четырнадцати. Напомню, протест дал начало товариществу передвижников. Впрочем, большинство любит Академию не за её историю и уж тем более - не за лепнину на фасадах. Самое главное, как сказал наш слушатель Шамиль - это то, что Академию основали. Всё остальное, в общем, второстепенно.

Н. АСАДОВА: Ну что, это была питерская улица. Вот что знают у нас сейчас про это здание.

Л. МАЦИХ: Не так плохо. Тут какую штуку надо учесть. «Умиравший сфинкс» - это вещь не столько живописное, название логи, сколько познавательное. Сфинкс отчего умирает? Как только человек находит верный ответ на его загадки. Так что задача была сфинкса умертвить. То есть, вырвать у мироздания все его тайны, т.е. познать всё то, что в мире скрыто. Ну, не собственно живописная задача, эта задача более философская, онтологическая, познавательная, но любопытно, что сделал он своим средоточием не Академию Наук и не Университет, как бы мы сейчас сочли логичным, а именно Академию Художеств.

Тогда в Академии Художеств концентрировались и пластические искусства и очень отвлечённое умствование, мистицизм и философия познавательная.

Н. АСАДОВА: Вы говорили о том, что задачей мистицизма было то, что человек не столько разум, сколько интуицией начинал познавать мир. Но задача так и не была осуществлена, если посмотреть на сегодняшний

мир, то значение разума, оно гипертрофировано по сравнению с интуицией.

Л. МАЦИХ: Очень верно сказано, я полностью с этим согласен. Эта задача никогда не может быть разрешена, это ведь задача на все времена. Вопрос о том, как говорит Каббала, основа масонского мировоззрения, как гармонизировать три аспекта познания - интеллектуальный, эмоциональный и интуитивный. Хотя бы гармонизировать, если уж не создать равносторонний треугольник. В современном мире чудовищная дисгармония и разумеется интеллектуальный способ подавил все остальные. Это замечалось уже тогда, в век рационализма, в век интеллектуального просвещения.

И как раз Лабзин резко возражал энциклопедистам, просветителям, при том, что переводил их труды. Он хотел восстановить в правах эмоциональную сферу и особенно интуитивную. Преуспел в чём-то, но сам ход вещей, прогресс, как таковой, в основном технологический, он конечно был против него. Но Лабзин героически противостоял техницизму и механистическому пониманию познания.

Н. АСАДОВА: Ещё интересный сюжет из его жизни. Механизм, с помощью которого он противостоял против засилия разума - это «Сионский вестник».

Л. МАЦИХ: Да, журнал. Он его издавал дважды. Сначала с 1806 по 1807 год, а потом с 1816 по 1818 год, с большим перерывом.

Н. АСАДОВА: Нелёгкая судьба у журнала была.

Л. МАЦИХ: Нелёгкая, никто не говорил, что будет легко. Но он учился на примере своего дядюшки духовного - Новикова, судьба его книгоиздательского предприятия была вообще ужасной. В этом плане.

Н. АСАДОВА: Но более плодотворной.

Л. МАЦИХ: Наверное. Он был гений книгоиздательства, а Лабзин - нет. Он был ловкий журналист и удачливый издатель.

Н. АСАДОВА: Писал в основном под псевдонимом.

Л. МАЦИХ: О! Псевдонимы он выбирал изумительные. Первый псевдоним его был буквы УМ - Ученик Мудрости. Ум! Уже видно, какой он скромняга и какого он невысокого о себе мнения. Потом он избрал ещё более дивный псевдоним, «Посланный богом», наконец, вершиной его самовозвеличения, витийственного красноречия был псевдоним Угроз Святовостоков. И под этим псевдонимом он писал. Все знали, кто под ним скрывается, но этому милому Святовостокову, как дети Деду Морозу, писали люди со всей России. И он собирал немалые филантропические пожертвования. Ни копейки не присвоил.

Н. АСАДОВА: А куда направлял?

Л. МАЦИХ: Направлял на филантропические нужды - на госпитали, на приюты сирых и убогих. Он в этом смысле евангельскую заповедь выполнял.

Н. АСАДОВА: Чем он так воодушевлял людей в своих произведениях?

Л. МАЦИХ: Он очень интересно писал, он был на самом деле по призванию, если давать дефиниции, я бы его определил, как духовного писателя. Он в гораздо большей степени был духовным писателем, чем философом. Но, наверное, он был и администратором хорошим. Он умел излагать достаточно сложные теологические построения простым и всем понятным языком. Не совсем уж до кучеров доходить. Но любому грамотному человеку той эпохи он умел растолковывать простые истины.

Часто прибегал к притчам, истинно в евангельском духе. Иной раз нет.

Н. АСАДОВА: Есть какие-то известные его притчи, которые дошли до наших времён?

Л. МАЦИХ: Он писал о том, что священное писание есть учитель наш. Я цитирую близко к тексту, поэтому если что-то перевру, прошу меня великодушно простить. Но этот учитель есть учитель безмолвствующий. И текст хранит священно молчание. Здесь он цитировал на латыни блаженного Августина - *divine silencio*, то есть, мы-то у текста спрашиваем, а текст молчит. А как нам получить ответ? Живой учитель хоть как-то ответит, даже подзатыльник будет ответом. А тут как быть?

И здесь, - говорил он, - роль интуиции, интуитивного истолкования описания гораздо важнее, чем роль всякого рода посредника, тут он открыто намекал на церковь и на разные казенные толкования, которым был враг. Эта интуиция поможет нам понять истинный, сокровенный смысл писания. Это классический образчик его рассуждения. И очень многих людей он на этот путь подвигнул.

Н. АСАДОВА: Если говорить о судьбе журнала «Сионский вестник», почему его закрывали?

Л. МАЦИХ: У Лабзина были могущественные враги. Люди не переносят чужого успеха, это давно известно. А он был успешным человеком. И кроме того, была и оппозиция принципиальная. Главным рупором этой оппозиции было, конечно, реакционное духовенство и быстро выдвинувшиеся этого течения, некий такой архимандрит Фотий, в миру Спасский. Это был, как писали современники, безжалостный ханжа, вертлявый монах, растлитель душ, но о нём отдельный разговор, хотя он никакого отношения к масонству не имел, за тем исключением, что он был главным гонителем масонов.

Фотий писал всякие подмётные листки, он подымал разные антимасонские волны. Сам он был человеком, едва ли психически здоровым, дважды проходил психическое освидетельствование.

Н. АСАДОВА: А как же он так продвинулся-то?

Л. МАЦИХ: А такие требовались. Нам разумные не надобны - говорил один из его тогдашних коллег, нам надо верные. Он был верен. А разум только вредит с точки зрения тех, кто.

Н. АСАДОВА: Они тоже считают, что разум вредит?

Л. МАЦИХ: В этом они сходились. Кстати, гораздо больше, чем вы думаете, уважаемые слушатели. Фотий дружил с покровителем Лабзина Голицыным. Голицын же был всеильный Министр просвещения, фаворит Александра.

Н. АСАДОВА: О нём мы тоже сделали передачу на прошлой неделе.

Л. МАЦИХ: Да. Голицын оказывал чрезвычайные Лабзину услуги. Фотий писал льстивые письма Голицыну, а сам за спиной интриговал, негодяй был полный. Но у Фотия была известная репутация, он был человеком такого образа жизни, который тогда никто не вёл. Он носил вериги, соблюдал строжайший пост, всякие подвиги аскетизма, не мылся, разумеется, никогда и аромат святости отчётливо ощущался. Он завоёвывал этими подвигами аскетическими расположение многих вельмож. Например, графиня Орлова-Чесменская, о которой Пушкин написал язвительную эпиграмму «Благочестивая жена душою богу придана, а грешною плотию - архимандриту Фотию».

Я уж не знаю, было ли там то, на что намекал Александр Сергеевич, но денег немерено получил Фотий от графини. И Фотий, он устраивал публичные акции, перформенсы...

Н. АСАДОВА: Пиар-акции.

Л. МАЦИХ: Говоря милым вам современным языком.

Н. АСАДОВА: Чёрный пиар.

Л. МАЦИХ: Да, чёрный и весьма эффективный. Он мог в одной рубашке среди ночи, перелезая через две ограды, прибежать к настоятелю Лавры архимандриту Иннокентию и сказать, что масоны в виде бесов окружили его келью.

Н. АСАДОВА: После этого Иннокентий отправлял его в психиатрическую лечебницу?

Л. МАЦИХ: В общем, да. По требованию общественности, никаких, разумеется, ни бесов, ни масонов не оказывалось. Ему бесы везде мерещились. Он называл того же Лабзина «пророк сатанин», не жалел эпитетов. И это находило определённые отклики в сердцах и умах. Александр же был человек не твёрдый ни в каком убеждении, царь. И какое настроение было господствующим в тот или иной день, так он и повелевал. И поэтому иной раз в фаворе был Голицын с масонами, а иной раз и Фотий с его мракобесами.

В этом смысле Лабзин был заложником этих обстоятельств, поскольку «Сионский вестник» был журналом исключительной популярности, ни одно издание после новиковских, не пользовалось в России такой популярностью.

Н. АСАДОВА: А какой был тираж приблизительно?

Л. МАЦИХ: До трёх тысяч, это тогда гигантская цифра, кстати, и сейчас немалая, в нынешние просвещённые времена, назовите мне журнал с таким тиражом. При советской власти тиражи были куда как больше, но сейчас это вещь редкая. До трёх тысяч. Выписывали его не только в Питере и Москве, но и по всей России.

Н. АСАДОВА: А кто работал с ним, с Лабзиным, в этом журнале? Кто журналистами его был?

Л. МАЦИХ: Его корреспондентами и журналистами были и Новиков, и Гамалей, под псевдонимами, они же были в опале, писал ему Херасков, виднейший поэт той эпохи. Очень много писал он сам. Он привлекал всех, каждый, кто мог хоть что-нибудь внести. Он в этом смысле был человеком в высшей степени плюралистичным. Он не платил гонораров принципиально, и себе ничего не брал. В первых выпусках журнала, с 1806 по 1807 гг. это было чисто филантропическое предприятие. С 1816 по 1817 гг., когда его дела немножко пошатнулись материальные, он жил на эти средства, но никак этим не злоупотреблял.

Он ведь писал, в отличие от Новикова, исключительно на одну тему - религиозно-нравственную. Но такая была потребность в обществе в то время, такой был голод на такого рода материалы, что его читали и не уставали читать. Все эти его эпистолы «Угроза Святовостоков», все эти рассуждения духовные, как Лабзина, все его увещания, он очень любил жанр увещаний. И всё это находило отклик. Если бы журнал его зачах, никакой ненависти от врагов не было бы. Стало быть это был критерий успешности.

Н. АСАДОВА: Давайте про ссылку поговорим, в 1822 году его отправили.

Л. МАЦИХ: В 1822 году и в 1825 году он помер. Он слишком долго был на посту, надо тоже это признать.

Н. АСАДОВА: Но не в ссылку же за это!

Л. МАЦИХ: Ну, может быть и не в ссылку, смотря каковы нравы.

Н. АСАДОВА: Засиделся, батенька, засиделся!

Л. МАЦИХ: Кресло ему бы следовало освободить. Он уже стал в каком-то смысле тормозом тех новых тенденций, которые начинались. Кроме того, Александр под конец царствования стал человеком абсолютно иным. Это уже не был тот романтично настроенный юноша, ничего от либеральных воззрений не осталось, он всё чаще прислушивался то к Аракчееву, то к Фотию, мракобесу и обскуранту.

Н. АСАДОВА: Он прямой выход на императора имел или это через Иннокентия происходило?

Л. МАЦИХ: Фотий? Нет. Через Голицына, как это ни странно.

Н. АСАДОВА: Как они сошлись?

Л. МАЦИХ: Они сошлись на почве лесты, до которой Голицын был падок, как многие царедворцы, а Фотий весьма в этом смысле был весьма прилежен. И Голицын был искренне убеждён, что они с Фотием делают одно и то же дело.

Н. АСАДОВА: Удивительно! Ведь Голицын наверняка не испытывал никаких иллюзий насчёт Фотия.

Л. МАЦИХ: Испытывал, как это ни странно, т.е. он обманывался. Дело в том, что никто не отменял слов Александра Сергеевича «обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад», и люди очень часто выдают желаемое за действительное. Даже такие неглупые люди, как Голицын.

Н. АСАДОВА: Какое общее дело они делали?

Л. МАЦИХ: Искореняли неверие, насаждали благочестие, просвещение, рука об руку с благочестием, чтобы не было соблазна просвещение делать светским, а религиозное воспитание делать отдельным. Потому в конце концов все цивилизованные страны к этому и пришли.

Н. АСАДОВА: А почему так странно? Почему такая метаморфоза в Голицыне произошла? Человек, который покровительствовал Лабзину так долго, который наверняка читал его журналы, книги, интересовался мистицизмом, вдруг совершенно в противоположную сторону его.

Л. МАЦИХ: Ну, Голицын не предавал идеалов, не изменял принципам масонским, но он.

Н. АСАДОВА: Как это синтезировалось у него?

Л. МАЦИХ: Люди разные, это только в романах соцреализма есть злодеи и праведники.

Н. АСАДОВА: Ещё в романе Чернышевского «Что делать?»

Л. МАЦИХ: Шедевры я не обсуждаю. А люди реальные, из плоти и крови, состоят из таких полутонов, из очень разных, порой взаимоисключающих, качеств. И Голицын не был исключением. Потом, чем больше человек, тем больше тень от него - говорили древние. Голицын был человек незаурядный и тень была изрядная. Так что что тут удивительного! При Александре творились многие дивные и невероятные дела. Например, польский аристократ Гробянка издавал журнал «Народ божий» и организовал практически новое направление, почти секту «Божий народ или новый Израиль». И себя провозгласил едва ли не мессией, будучи польским аристократом. И за ним многие пошли.

Умонастроение было такое. Всё было нестойким, всё было шатким. Никто ни в чём не был твёрд. После триумфа в 1812 году ожидали консолидации общества, а произошло ровно противоположное. Часть офицерства, опоры трона, они пошли по пути радикализации. Другие ударились в этот самый мистицизм, а третьи стали говорить о том, что до каких пор Россия будет пытаться усидеть на двух стульях! Давайте определим - мы Европа или мы Азия.

И к Александру, к царю царей, основатель Священного Союза и покоритель Наполеона, к нему стали предъявлять претензии люди, в чьей лояльности он не мог сомневаться. И это только добавило ему сомнений, слёз, он очень любил плакать по любому поводу, не упускал возможности прослезиться. Он стал ещё более неуверенным человеком, хлипким, как писал о нём Герцен, и душевно неуравновешенным. Вот эти метания не должны нас удивлять. Это отражение некоторое такой душевной бури, которая царил в душе и в сознании государя.

Н. АСАДОВА: В общем, если подытожить, то победил Фотий?

Л. МАЦИХ: Нет, Фотий не победил. Фотий был отставлен ещё при Александре, при Николае он сделал попытку некоего реванша, но Николай Павлович был человеком совершенно другого духа, он не любил витийства, а Фотий писал исключительно витиеватым языком, невозможно иной раз даже его сторонникам его понять. Фотий был человеком лукавым и криводушным, он обо всех в лицо говорил в превосходных степенях, всех хвалил, сыпал эпитетами, а за глаза писал подмётные письма с самыми гнусными обвинениями, обвинял чуть ли не в том, что это прямые адепты сатаны. А тогда это не было смешно.

И Николай, когда он это понял, получив несколько посланий Фотия, он его удалил и тот помер в почётной ссылке, в одном из монастырей, в Юрьевском монастыре, который он на средства графини Орловой для себя же и восстановить. Но о былом влиянии уже и речи не было. Голицын был тоже отправлен в ссылку, при Николае наступили абсолютно иные времена. Но к концу александрова царствования, если кто победил, то это не Лабзин, мистик, не Галицын - масон-министр, и не Фотий - мракобес-монах, а Аракчеев, солдафон и тупица, говоривший о себе «преданный без лести». Победила лакейская преданность, а никакая иная черта.

Н. АСАДОВА: Кстати, в Академии Художеств какие изменения последовали после ссылки Лабзина? И последовали ли?

Л. МАЦИХ: Хотелось бы сказать, что всё рухнуло, всё пошло в запустение. Но ничего похожего, продолжалась вполне нормальная жизнь. Дело в том, что задел чисто художественный, живописный, был сделан превосходный. Была создана школа русских ваятелей и архитекторов. Архитекторов более всего.

Н. АСАДОВА: Кстати говоря, на протяжении всего нашего цикла про масонов в передаче «Братья» мы рассказываем о зданиях, в которых воплощены масонские воззвания, символы и во многом в этом участие принимали выпускники Академии Художеств.

Л. МАЦИХ: Ещё как принимали, без них невозможно было бы, как говорили сами масоны, украшение империи российской. Это были люди, которые были одарены всеми художественными дарованиями. То, что трудились они с масонской точки зрения и с живописной в стенах Академии, об этом говорит главное украшение Академии - циркуль с угольником. Мы говорили об этом. Это масонская аллегория познания

мира, человеческий ум и божественная премудрость. Они стремились к синтезу. И очень многие в этом преуспели.

Русская живопись не заглохла после ухода Лабзина, как выдающегося администратора, искусство продолжалось, и поиски продолжались мистические. И следующие после Лабзина духовные писатели и философы - Одоевский, Бестужев-Марлинский, Оксаков, они очень многое от него взяли. И полемизируя с ним, как славянофилы и идя в его русле, как, условно говоря, западники, но Лабзин остался мощной вехой в истории и российской живописи, не будучи живописцем, и в истории российской мысли, поскольку он был человеком, заложившим основы религиозного российского философствования.

Н. АСАДОВА: А вот мы затрагивали тему ложи «Умирующий сфинкс», в Петербурге можно найти изваяние этого умирающего сфинкса, правильно?

Л. МАЦИХ: есть и живые сфинксы, есть и умирающие.

Н. АСАДОВА: Где можно найти в Петербурге умирающих сфинксов?

Л. МАЦИХ: Любой сфинкс умирает. Он умирает в той степени, в какой мы, люди, задаём ему вопрос, а он понимает, что мы этот вопрос трактуем правильно и отвечаем на него верно. Если Вы имеете в виду умирающий сфинкс в виде умирающего лебедя, такого нет. Но умирающий сфинкс - это некая аллегория. Каменные сфинксы, которых потом привезли и поставили, их поставили именно возле Академии Художеств в память об уже закрытой к тому времени, но очень славной русской интеллектуальной истории ложи «Умирающего сфинкса».

Н. АСАДОВА: А кто поставил?

Л. МАЦИХ: Поставили позже, при Александре II.

Н. АСАДОВА: Но братья масоны?

Л. МАЦИХ: При их активном содействии. Ведь братья масоны, чем они были славны и чем они отличаются от остальных, не менее замечательных граждан. У них развито ощущение преемственности, связи с предыдущими поколениями. И не только интеллектуальной благодарности, но и душевной привязанности к тем своим учителям и течениям, на основе которой выросло их собственное мировоззрение. Хотя ложа к тому времени уже закончила своё существование, самораспустилась, это часто в масонстве, многие славные прежде ложи, они распускаются.

Н. АСАДОВА: В каком году это произошло?

Л. МАЦИХ: С момента ссылки Лабзина. Он же был вдохновитель и душа этой ложи. В данном случае с его выбытием в этот провинциальный Сентгелей, в замечательный Симбирск, всякая деятельность прекратилась. Но не погас этот огонь, эта божественная искра, любимый масонский символ, потому что пышным цветом цвели работы библейского общества. О котором стоит рассказать, библейское общество выпускало массу литературы, в том числе богословски-мистической.

Там шла огромная работа над новым переводом Библии, известной нам сейчас как синодальный. И люди. Которые над этим трудились, например, митрополит Филарет, один из величайших людей в истории русской церкви, эти люди очень многим были обязаны Лабзину. Филарет о Лабзине говорил очень хорошо. То, что в российском православии возобладала линия не мракобеса и полусумасшедшего Фотия, а умницы, эрудита и прогрессивно мыслящего Филарета Дроздова, в этом, среди

прочего, заслуга российских мистиков и Лабзина с его «Умиравшим сфинксом». Филарет тоже состоял в его ложе.

Ложа закрылась, но идеи её не утратили актуальности, и деятельность не прекращалась. Это именно искра, она шла дальше. И воспламеняла новые умы и сердца, а именно к этому они и стремились.

Н. АСАДОВА: В конце жизни, в ссылке в Симбирске Лабзин оставил после себя что-то? Или он занимался исключительно саморазвитием, изучал высшую математику?

Л. МАЦИХ: Он ничем заниматься не мог, поскольку он был очень болен, у него развились нервные болезни и эпилептические припадки, которые его безумно донимали и свели в могилу. Он тяжело болел. Он лечился, но тогда не было лекарств. Единственное - минеральные воды, которые не помогали. Он особенно ничем заняться не мог. Он покровительствовал тамошним литераторам молодым. Выпускал домашние альбомы, для тогдашнего дворянства был свет в окне. Он писал в питерские и московские журналы, но это был уже не тот Лабзин.

И после блестящего столичного сановника, властителя дум, это был провинциальный литератор-ссылный.

Н. АСАДОВА: А литераторы Симбирска известны широкой общественности?

Л. МАЦИХ: Нет, никого из выдающихся имён, как возникший в прежние времена в Саратова Карамзин, никаких таких имён не возникло. Из Симбирска потом другой процветёт, но отнюдь не литератор. А более Симбирск ничем, кроме этого, на российской карте не заметен. Но в XX веке Симбирск и выпускники его гимназии, для масонской истории будут исключительно важны, поскольку два выпускника гимназии - Александр Керенский и Владимир Ульянов оказались людьми, которые держат в руках судьбу страны. Но это дело будущего.

Н. АСАДОВА: Об этом мы обязательно расскажем в будущих передачах. У нас остаётся полторы минуты до конца нашей сегодняшней передачи. Давайте подытожим сегодняшнюю тему - масоны и русское изобразительное искусство.

Л. МАЦИХ: Громадный вклад внесли масоны в развитие российского изобразительного искусства, и в смысле портретной живописи, которая только начиналась при них. И жанровой живописи, Венецианов, и живописи любой другой. И основа российского изобразительного искусства, которое теперь общепризнано, как жемчужина мировой культуры, начинались тогда, и основы не только живописного мастерства, но и мировоззрения, что исключительно важно. Мировоззренческие основы русских живописцев, скульпторов и ваятелей были заложены масонами, среди которых громадную роль играл не художник и не ваятель Лабзин, именно тем, что он формировал у этих юных и не очень юных дарований верный взгляд на жизнь.

Он учил их вглядываться в человеческую душу, учил в человеческой душе черпать источник вдохновения и не забывать, что подлинным источником всякой благодати является бог, а не какая-то человеческая институция, как бы она ни называлась.

Н. АСАДОВА: Ну что. Это была передача «Братья» и мы услышимся с вами в следующий вторник. Доброй ночи.

Л. МАЦИХ: Всего наилучшего!